УДК 881.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44
С17

Иллюстрация на обложку *Анны Гайворонской*
Дизайн обложки *Екатерины Ферез*

Самарский, Михаил.
С17 Формула добра. Приключения необычный собаки : повесть / Михаил Самарский. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 224 с. — (Радуга для друга).

ISBN 978-5-17-134638-6

Чего только не видел в своей жизни лабрадор Трисон, пес-поводырь. И это даже хорошо, ведь он — глаза своих подопечных.

На этот раз Трисон поступил на службу к слепой старушке, правда, ненадолго, ведь он не может без приключений. Спустя какое-то время волею судеб Трисон оказывается в детском саду и становится... охранником!

Работать с детьми — разве не прекрасно?

Однако и здесь Трисона ждут испытания, с которыми он, разумеется, справится!

УДК 881.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-17-134638-6

© Михаил Самарский, 2020
© Анна Гайворонская, иллюстрация, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Читайте в серии
«Радуга для друга»:

«На качелях между холмами»

«Двенадцать прикосновений к горизонту»

«#любовь, или Невыдуманная история»

«Время дарить любовь»

О приключениях лабрадора Трисона:

«Фукусима, или История собачьей дружбы»

«Остров везения»

«Тришка на Севере»

«Морские приключения Трисона»

«Приключения Трисона в Альпах»

«Радуга для друга»

«Как Трисон стал полицейским,
или Правила добрых дел»

О приключениях кота Сократа:

«Невероятные приключения кота Сократа»

«Подлинный Сократ»

«Кот Сократ выходит на орбиту.

Записки котонавта»

«Акуна матата, Занзибар!
Африканские приключения кота Сократа»

О приключениях Мартина:

«Его Высочество Мартин»

Собака так предана, что даже
не веришь в то, что человек
заслуживает такой любви.
И. Ильф

Вместо пролога

Ав-ав, дорогие мои человеки, в смысле здравствуйте! Узнаёте? Давненько мы с вами не виделись. Соскучился — не то слово! Приветствую и новых друзей! Если вы ещё не читали мою первую книгу «Радуга для друга», позвольте представиться: лабрадор Трисон! Окончил специальную школу по подготовке собак-поводырей. Наверняка вы слышали о таких. Мы помогаем слепым людям. Правда, не все знают, как проходит обучение, как мы работаем, что умеем делать и вообще на что способны.

Сразу скажу: работа эта не из простых, наша основная задача — преданно и беззаветно служить человеку. В своей первой книге я рассказал, как трудился у ветерана Ивана Савельевича (Царство ему небесное), потом у незрячего подростка Сашки. Знаете, наверное, в это трудно поверить, но однажды я даже подарил ему самую настоящую радугу. Да-да, вот как бывает. Кстати, у нас, поводырей, не принято называть людей, с которыми мы

работаем, своими хозяевами. Мы зовём их подопечными. И вы потом поймёте почему.

Не всё в нашей работе проходит гладко, поэтому поводырь в критической ситуации должен уметь быть и спасателем, и защитником, и даже… Впрочем, не стану вдаваться в подробности. Если вам интересно, прочитайте первую книгу. Ох, и намыкался я там! А сейчас хочу поведать вам о моих новых приключениях. Забегая вперёд, скажу лишь одно: этой книги могло бы и не быть, потому что я несколько раз оказывался на волоске от гибели. Но, слава богу, всё обошлось. Как говорится, мир не только не без добрых собак, но и не без добрых людей. Не судите меня строго, люблю я ваши человеческие поговорки переделать на собачий лад.

В конце концов пораскинул я тут мозгами и решил: наверняка вам будет интересно, что же произошло дальше. А то мы расстались внезапно — мне как-то даже неловко.

На пенсию, согласитесь, мне рановато — ещё работать и работать. Не зря ведь меня столько времени обучали в специальной школе. Не знаю, как у вас с этим делом, а у нас такими кадрами не разбрасываются. Поводыря в сторожа никто не отправит (хотя, признаюсь, бывало и такое — я обо всём расскажу). Такие специалисты, как я, — на вес золота. Пока есть нюх, зрение, силы и, конечно, образование, буду трудиться поводырём.

Но не буду себя нахваливать, а то меня после первой книги и так хвастуном обозвали. Но, по-

верьте, я для вас, людей, стараюсь, поэтому подробно и рассказываю о себе и своих способностях. Признайтесь, ведь до нашего знакомства многие из вас даже не представляли, что такое собака-поводырь и как она работает. Это, между прочим, не я придумал. Мне об этом сами читатели рассказали. Серьёзно говорю.

Однажды я даже на презентации книги побывал! Меня туда пригласили, после того как повесть «Радуга для друга» вышла в свет. Да-да, честное слово. Один инвалид согласился проехаться с нами на экскурсию. Он ещё не решил, будет брать поводыря или нет, просто хотел попробовать, что это такое и с чем нас едят. С нами отправили и моего инструктора Лену. Я выступал (не поверите!) прямо в книжном магазине: показывал зрителям своё мастерство. Не стану скрывать, волновался жутко. Это вам не шуточки — можно сказать, настоящим артистом стал! Вышел на сцену, глянул в зал и обомлел. Ну, думаю, теперь не опозориться бы. Но всё прошло отлично.

Так вот, на том мероприятии один фотограф подходит к моему инструктору, гладит меня по голове, чешет за ухом и говорит:

— Спасибо вам, что с Трисоном приехали, а то я сорок лет прожил и никогда вживую собаку-поводыря не видел.

Ух и горд же я был в тот момент!

Но приступим к делу. Вы не представляете, сколько у меня накопилось историй с тех пор, как

мы расстались — и хороших, и плохих, и ужасных. Даже не знаю, уложусь ли в одну книгу. Давайте договоримся так: я начну рассказ, а там посмотрим, что выйдет — повесть ли или роман… а может, целая собачья эпопея «Война и мир».

Глава 1

У собак, как и у людей, жизненный опыт растёт с каждым новым знакомством. Ой, только не дай бог вам таких знакомств, с которыми мне довелось столкнуться: как вспомню, так вздрогну.

Сначала всё шло хорошо. После Сашкиного прозрения тунеядствовал я недолго. Через месяц с небольшим передали меня слепой женщине-писателю. Там, конечно, жилось славно. Какой я всё-таки наивный пёс: думал, буду здесь трудиться до последнего вздоха. Да не тут-то было: распрощались мы с новой подопечной внезапно. Так сложились обстоятельства. А дальше… Впрочем, не буду забегать вперёд.

Хотя Анна Игоревна Кривошеева моей подопечной была непродолжительное время, расстались мы с ней большими друзьями. Просто теперь она живёт за границей. Предупреждаю: если встретите эту замечательную женщину, не вздумайте называть её писательницей — жутко обижается. Она

считает, что такого слова в человеческом языке вообще не существует. Ну, не нам, собакам, рассуждать на подобные темы. Нет так нет. Это всё мелочи. Да, кстати, Анной Игоревной её никто в доме не называл. Официальное имя было глубоко упрятано в бумагах, письмах и всяких там документах. В жизни эту очаровательную женщину все звали либо Аннушкой, либо Анютой, иногда просто Анной.

До чего же она красива! Мне кажется, даже немного похожа на меня золотистыми волосами. А ещё у неё поразительно красивые губы, высокий лоб, строгий прямой нос и тончайшие пальцы. Вся такая хрупкая, нежная, лёгкая, прямо какая-то воздушная. Почему-то многие принимают её за балерину. Я, конечно, по театрам не хожу, живых балерин не видел, но по телевизору как-то смотрел. Нет, никакая она не балерина. Те, конечно, тоже красивые, но слишком прыгучие, а Анна Игоревна женщина спокойная и тихая. Плавная. Думаю, если бы какой-либо талантливый художник написал с неё портрет, то через некоторое время Лувр поставил его на место Джоконды. Без всяких сомнений.

Вы вообще видели эту Джоконду? В кабинете Анны Игоревны висела репродукция. Не знаю, что в ней люди нашли такого потрясающего? Хитрая она какая-то. Так смотрит, что мне даже иногда неуютно становилось. Кажется, ещё мгновение, и раскомандуется: «Ко мне!», «Сидеть!», «Апорт!»... Но самое любопытное, в какой бы угол кабинета я ни за-

брался, она всё время наблюдала за мной и смотрела мне в глаза. Вот так портретик. Хотя Анна Игоревна убивалась, что уже никогда не увидит оригинал, мечта её так и не сбылась. Нашла о ком жалеть. Ну да ладно, бог с ней, с Джокондой. Не о ней речь.

Когда мы с Аннушкой гуляли в парке, меня прямо распирало от гордости за неё. Я не встретил ни одного мужчины, который, проходя мимо нас, не обернулся и не посмотрел бы нам вслед. Иными словами, удивительная женщина! Первое время мы гуляли только вблизи дома. Но с каждым днём уходили всё дальше и дальше. Анна Игоревна осмелела до такой степени, что мы даже стали с ней ездить на трамвае в другой микрорайон. И всё это без посторонней помощи. Для незрячего человека, между прочим, большое событие, свобода.

Если бы вы знали, как я в то время жил! Ой-ой-ой! Обзавидовались бы. Даже затрудняюсь описать. Давайте по-другому поступим. Помните Ивана Савельевича, Сашку, их друзей и родственников? Так вот, если бы Иван Савельевич рассказывал о моей жизни в писательском доме, сказал бы: «Живёт Трисон как кум королю и сват министру». Сашка просто произнёс бы: «Круто, Триша!» Бабушка его, Елизавета Максимовна, наверное, перекрестилась бы и прошептала: «Боже мой! Как сыр в масле катается!» Мама… тут я даже не знаю. Она, скорее всего, тоже сказала бы: «Не жизнь, а малина!»

Иными словами, устроился я неплохо. Семья была просто изумительная. Жили мы вчетвером

в загородном доме. Я, мама, папа (Константин Александрович) и их дочь Маша. Ей в ту пору исполнилось всего десять лет, но такая, скажу вам, шустрая девочка. Отец называл почему-то её егозой. Не знаю, что за слово такое, но Маша не обижалась. Значит, хорошее слово. Маша — копия Анны Игоревны. По ней я мог судить, какой та была в детстве.

Мы с Машей подружились с первого дня. Вы знаете, я люблю детей. Маша меня купала, вычёсывала и всегда норовила кусочек чего-нибудь вкусненького подсунуть. Я сначала отказывался, отворачивался — у меня же инструкция: нельзя ничего, кроме корма, есть. Но потом, чтобы не обижать девочку, стал по чуточке принимать от неё подарки. Я вспомнил: в инструкции ведь сказано, что нельзя брать корм из чужих рук. А какая же мне Машка чужая? Она была мне как сестра. Мы с ней даже в футбол гоняли вместе. Я ещё расскажу вам о ней. Думаю, Маша будет певицей, когда вырастет. Вы бы слышали, как она поёт в караоке. Семья любила по вечерам попеть в микрофон. И даже я им подпевал. Ну или подвывал. Из меня, конечно, певец никудышный, но моим сородичам нравилось, когда я участвовал в их хоре. После концерта они меня всегда угощали чем-нибудь вкусненьким — то котлетку дадут, то косточку, то конфетку.

Ой-ой-ой! Ну надо же! Чуть ещё об одном члене семьи не забыл. Не вчетвером мы жили, а впятером. Было там ещё одно чудо-юдо: Кисуля. Только не подумайте, что я так ласково кошечку называю.

Нет, это у неё кличка такая. Говорят, когда она появилась в доме (это было задолго до меня), её называли иначе — то ли Муся, то ли Дуся, — но с чьей-то лёгкой руки все стали называть её просто Кисулей. Ох уж эта Кисуля! И откуда они такие на мою голову берутся. Нет, жили мы с ней мирно. Но какой же она бывала занудой.

Вот представьте такую ситуацию. Прихожу с прогулки, перекусил, водички полакал и на боковую. Мне всегда нужно спать чуть больше, чем обычным собакам, — я, даже когда сплю, остаюсь на работе. И вот тут начиналось. Нашей Кисуле делать-то нечего. Скучно ей, хочется поиграть. Ну, возьми свою мышку пластмассовую или мячик и играй себе на здоровье. Так нет же. Только я усну, она тут как тут. То за хвост меня лапой потрогает, то ухо моё ей покоя не даёт. То мимо меня проходит так, чтобы своим хвостом непременно нос зацепить. Вот это мне больше всего не нравилось. Обычно после такой пакости я громко чихал. Несколько раз даже Аннушку своим чихом напугал. Она смеётся и говорит мне:

— Будь здоров, Трисончик!

— Ав, — отвечаю.

А Анна Игоревна-то не видит, что её Кисуля вытворяет, и, наверное, думает, что это я её благодарю. Улыбается и говорит:

— Пожалуйста, мой дорогой.

Приятно, конечно, когда с тобой так вежливо разговаривают, а с другой стороны, что я мог поделать?

Снова лапами глаза прикрою и засыпаю. А Кисуле опять неймётся. Иногда она такое вытворяла, хоть волком вой. Возьмёт, прямо на меня залезет и лежит мурлыкает. Тоже мне, наездница. Но я в такие моменты уже и не сгонял её. Думаю, лежи, сволочь, только нос не щекочи. Бывало, так и спали вместе. А что делать? Не кусать же её в самом деле. Вроде как своя. Но и это по большому счёту мелочи. Я чуть позже расскажу вам о специальных кошках. Те зеленоглазки — не чета нашей Кисуле. Там всё гораздо сложнее.

Несмотря на все это, у Кривошеевых было замечательно: прекрасный корм, приятные, как называл их Иван Савельевич, мыльно-рыльные принадлежности. Представляете, у меня в кабинете даже был собственный диван. Да-да! С подушечкой и одеяльцем. В кабинете мне было очень хорошо — Кисуля оставалась за дверью. Её сюда не пускали. Она подмочила свою репутацию. Залезла однажды на письменный стол и разбросала по всей комнате бумаги. Да ладно бы просто бумаги разбросала, так она ещё и все салфетки изодрала в клочья, превратив кабинет в какой-то осенний сад — повсюду валялись жёлто-оранжевые лепестки. Не кошка, а вредитель какой-то.

Так вот, моя подопечная трудилась за столом, а я лежал себе на диване, балдел и слушал её новые романы. Аннушка могла работать и за специальным компьютером для незрячих, но в основном начитывала главы на диктофон, а Константин Александро-

вич или Маша потом всё это набирали. Затем Константин Александрович редактировал и частенько критиковал Анну Игоревну. Иногда так заспорят, так заспорят, что я думал: ну всё — на веки вечные поругались.

Нет, слышу утром, Анна Игоревна говорит:

— Костюшенька, я подумала. Эпизод с морем действительно нужно переделать. Банально звучит. Ты прав…

— Да я не настаиваю, Аннушка, — отвечает Константин Александрович, — смотри сама, тебе виднее.

Хм! Вы слышали? Он не настаивает. С ума сойти. Вчера ещё говорил супруге, что ничего более бездарного в своей жизни не читал. А теперь не настаивает. Сдохнуть можно от этих людей! Хотя, откровенно говоря, я уже перестал удивляться подобным метаморфозам. Вы знаете, у творческих людей (а муж Аннушки не только редактор, но ещё и поэт) семь пятниц на неделе. Иногда сидят весь вечер, читают друг другу стихи, рассказы и даже сказки. Восторгаются, смеются, иногда плачут. А на следующий день всё летит к…

…эх, аж скулы свело. Не понимаю я этих выражений. Как вы думаете, куда всё летело? Всё верно: конечно, к чертям собачьим. Вот объясните мне, что это означает? Ну при чём тут собаки и черти? Это ж надо было такое придумать! А ещё есть выражение похлеще — оно меня едва ли не с лап сшибает. «Чушь собачья». Слышали такое?

Хоть убейте меня, не могу сообразить, что это за чушь такая.

Вот вы всё время говорите, что собака — друг человека. Любите своих тузиков, барсиков, рексиков, капочек, пипочек. А что ни слово, то оскорбление собак. Не замечали? У вас даже если жизнь не складывается, говорите: «Эх, жизнь собачья настала».

Ну, например, как я жил у Анны Игоревны, так мне и некоторые люди могут позавидовать. Нормальная собачья жизнь. А вот как я теперь живу, извините, и собачьей жизнью не назовёшь.